

сал и напечатал два рассказа, но в них все фальшиво и неприятно: один о голодающих мужиках, которых я не видел и, в сущности, не жалею, другой на пошлую тему о помещице разорении и тоже с выдумкой, между тем как мне хотелось написать только про громадный серебристый тополь, который растет перед домом бедного помещика Р., и еще про неподвижное чучело ястреба, которое стоит у него в кабинете на шкапе... Если писать о разорении, то я хотел бы выразить только его поэтичность». Эта позиция Б. во многом обусловила одинокое положение писателя в лит-ре начала века, поскольку ни общественно-демократическая проблематика в ее агитационном выражении, ни открытый модернистский поиск не были свойственны Б. Он шел и к изображению социально-философского начала жизни, и к поиску новых форм в искусстве своим особым путем, в основе которого лежало глубоко преемственное отношение к традициям русского классического искусства и стремление к эстетизации действительности, пристальное вглядывание в чувственную красоту вечного мира.

Соч.: СС. М., 1965–67. Т. 1–9; СС. М., 1987–88. Т. 1–6. Полное собр. соч. и писем: в 20 т. Стихотворения 1898–1916. М., 1997. Т. 1–3.

Лит.: Айхенвальд Ю. И. И. Бунин // Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М., 1917. Вып. 2; Степун Ф. А. Лит. заметки: И. А. Бунин // Совр. записки. 1926. Кн. 27; Ходасевич В. О поэзии Бунина // Возрождение. 1929. 15 авг.; Выготский Л. С. Легкое дыхание // Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1965; Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Париж, 1959; Михайлов О. И. Бунин: Жизнь и творчество. Тула, 1987; Бабореко А. К. И. А. Бунин: Материалы для биографии с 1870 по 1917. М., 1983; Крутикова Л. В. И. Бунин // История русской лит-ры. Л., 1983. Т. 4; Долгополов Л. К. Судьба Бунина. Рассказ «Чистый понедельник» в системе творчества Бунина эмигрантского периода // Долгополов Л. К. На рубеже веков. Л., 1985; ЛН (И. А. Бунин). Т. 84. Кн. 1–2; Нефедов В. В. Чудесный призрак: Бунин-художник. Минск, 1990; Ильин И. А. О тьме и просветлении: Книга худож. критики: Бунин. Ремизов. Шмелев. М., 1991; Смирнова Л. А. Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество: Книга для учителя. М., 1991; Мальцев П. В. Иван Бунин. 1870–1953. М., 1994.

С. Ю. Ясенский

БУРЕНИН Виктор Петрович [22.2(6.3). 1841, Москва — 15.8.1926, Ленинград] — поэт, драматург, прозаик, лит. и театральный критик.

В. П. Буренин

Внук крепостного, сын архитектора П. П. Буренина, племянник видного деятеля старообрядчества И. А. Ковылина; 12-й ребенок в семье. Учился в Московском дворцовом архитектурном училище (1852–59), по окончании которого несколько лет работал архитектором. С детства Б. писал стихи — сначала подражания «Евгению Онегину», затем под влиянием М. Ю. Лермонтова и А. А. Фета в юношеских стих. Б. стали преобладать мотивы скорби и разочарования. В училище Б. издавал рукописный ж., наполненный преимущественно злыми экспромтами и сатирами на товарищей. Уже в юности у Б. сформировались навыки механического версификаторства и привычка рассматривать все происходящее в окружающем мире в качестве повода к упражнению в остроумии, что на протяжении всей жизни сильно вредило ему в общественном мнении.

В конце 1850-х, руководя строительными работами в имениях Е. П. Нарышкиной и Н. Д. Пущиной, Б. сблизился с амнистированными декабристами И. И. Пушиным, И. Д. Якушкиным, Г. С. Батеньковым, М. М. Нарышкиным; значительное влияние на лит. вкус Б. оказал петрашевец С. Ф. Дуров, по совету которого Б. перевел «Ямбы» О. Барбье (Подпольное слово. [Женева]. 1866. № 2). В это же время Б. был близок кругу «Русского вестника» и посещал «собрания» А. Н. Плещеева, где познакомился с А. С. Сувориным, Л. Н. Толстым, М. Е. Салтыковым-Щедриным, Н. А. Некрасовым, а также «пятницы»

И. С. Аксакова, где встречался с В. И. Далем и московскими славянофилами. В 1861 Б. несколько месяцев провел в Германии, Швейцарии и Франции, в дальнейшем летние поездки в Западную Европу Б. совершал ежегодно. Первое выступление в печати — анонимная заметка «Спасение цензуры в Москве» (Колокол. 1861. № 112, 113). В начале 1860-х Б. имел репутацию отъявленного радикала. Так, В. Д. Костомаров показывал, что Б. был «руководителем кружка молодежи, готовился на уличные агитации» (Процесс Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1939. С. 118).

Восхищение И. С. Аксакова вызвали опубликованные Б. в 1862 в газ. «День» несколько лирических стих.; успех же у широких читательских кругов имели сатирические стихи Б. в ж. «Развлечение», «Зритель» и «Искра». По совету расположенного к Б. Н. А. Некрасова (Б. помогал в сборе материала при работе поэта над «Русскими женщинами» и «Кому на Руси жить хорошо») в 1863 Б. переехал в Петербург; с середины 1864 жил исключительно лит. трудом, в изобилии на протяжении десятилетия помещая стихотворные переводы, фельетоны, сатирические стихи во мн. ж. Значительный успех имели фельетоны Б., помещенные в 1863–66 в «Санкт-Петербургских ведомостях»; после выстрела Д. Каракозова в императора Александра II (1866) Б. подвергся обыску, и по указанию Главного управления по делам печати публикация фельетонов Б. была прекращена. Б. стал вести журнальное обозрение. Был приглашен Некрасовым в качестве одного из ведущих поэтов в ж. «Отечественные записки». Ряд произведений Б. не был пропущен цензурой; в свет не вышла стихотворная повесть Б. **«Тринадцать генералов: Подробная и достоверная летопись мн. трудов и похощений, предпринятых некоторыми солидными и благонамеренными особами ради спасения отечества»** (РО ИРЛИ. Ф. 36. Оп. 1. № 50). Посвященное гражданской казни Н. Г. Чернышевского стих. **«13 июня 1864 года»** было опубликовано Б. лишь в советское время (Вестник лит.-ры. 1920. № 6).

В начале 1870-х Б. утвердился в занятой им самостоятельной лит. и общественно-политической позиции. Излюбленными мишенями для остроумия Б. были прусский милитаризм, женское медицинское образование, корыстолюбие отечественной адвокатуры. Менее всего склонный руководствоваться в своих критических разборах какими-либо групповыми идейными, лит. или корпоративными интересами, Б. полагался только на

собственные субъективные суждения, что — с учетом своеобразия его симпатий и антипатий — не могло не привести к разрыву Б. с демократическими и либеральными кругами. Длительная полемика с Н. К. Михайловским послужила внешним поводом разрыва Б. с «Отечественными записками» в 1872 и отхода от ряда др. изд. В 1875 был приглашен А. С. Сувориным в «Новое время», где работал до закрытия газ. в 1918. В 1877 совершил поездку в действующую армию на Балканы.

Более полувека продолжалась деятельность Б. в качестве фельетониста и лит. критика; к концу 1870-х она принесла ему всероссийскую известность. Еженедельные фельетоны «Выборгского пустытника», а затем журнальное обозрение в «Санкт-Петербургских ведомостях» были прелюдией к той жанровой реформе, которые Б. и Суворин осуществили в «Новом времени». Преобразование отечественного фельетона состояло в насыщении его конкретными деталями совр. жизни; адресно направленная сатира вытеснила отвлеченное морализаторство. Переход Б. от публицистики к лит. критике был вынужденным. «Если б у нас была свобода печати, он стал бы единственным в своем роде памфлетистом, употребляя свое перо для разоблачения министров и т. д. Теперь он тратит его по мелочам и на мелочи» (Дневник А. С. Суворина. М., 1999. С. 359). В «Критических очерках» Б. руководствовался теми же принципами, что и в фельетоне: остроумная пародия заменила разбор текста в традиционной псевдоакадемической манере с элементами общественно-политической риторики. Творчество автора Б. не отделял от его личности, и не стеснялся в оценках. Успех Б.-критика был обусловлен не наличием у него каких-либо определенных убеждений или эстетических концепций, а его способностью подвергнуть уничижительному осмеянию то или иное лицо или лит. явление. Помещавшиеся в «Новом времени» по пятницам «Критические очерки» Б. немало способствовали как популярности газ., так и знакомству русского общества с наиболее примечательными лит. новинками. Оперативность откликов Б., его живость и наблюдательность, относительная лаконичность, а также едкость, порою доходящая до ядовитости, даваемых им прозвищ и характеристик делали фельетоны Б. заметным событием лит. жизни. Современной ему беллетристике Б.— за единичными исключениями — напрочь отказывал как в лит. достоинствах, так и в знании жизни. Б. считал, что отечественные беллетристы «в своих произ-

ведениях, вместо выразительных картин и фигур современной действительности, занимаются праздным изображением праздных нравов и „чувствий“ разных кукольных героев, обыкновенно измышляемых беллетристами на основании отечественных и иностранных книжек, а не на основании наблюдений над насущною жизнью общества». Вместе с тем, по мнению Б., «жизнь в теперешнем очень любопытном фазисе ее развития весьма богата такими фактами и фигурами, которые так и просятся под перо наблюдателя-художника». Материал для изучения нравов общества Б. советовал брать из судебных процессов, утверждая, что именно там «сосредоточилось все, чем кишит современная действительность» (Санкт-Петербургские ведомости. 1876. 5 дек.).

Необыкновенная наблюдательность Б.-критика, его чуткость к мелочам отделки рассматриваемого произведения, широта его кругозора, «масса начитанности, остроумия и толковости» (Лесков Н. СС. М., 1958. Т. 11. С. 337) в сочетании с достаточно строгим лит. вкусом обеспечили Б. не только признание читателей, но и уважение со стороны столь различных писателей, как Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов, Н. К. Михайловский; Ф. М. Достоевский находил, что «из всех писавших о нем наиболее понимал его мысли и намерения» именно Б. (письмо А. Г. Достоевской к Б. от 15 мая 1888 // Байкал. 1976. № 5. С. 140). Вместе с тем к началу 1880-х у Б. уже сложилась репутация «бесцеремонного циника, часто пренебрегающего приличиями в печати» (И. А. Гончаров; см.: Ежегодник РО Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 212), который «только и делает, что выискивает, чем бы человека обидеть, приписав ему что-либо пошрое» (Лесков Н. СС. Т. 11. С. 533). По мнению П. И. Чайковского, у Б. «неприличие тона, сальность и мерзость выражений переходят решительно за границы всякого приличия» (Чайковский П. И. ПСС. М., 1963. Т. 8. С. 66). Постоянным насмешкам Б. подвергался В. В. Стасов («Ваила Барабанов»), в лице которого Б. видел лишь олицетворение спекуляции на официальном интересе к национальным традициям русского искусства в эпоху Александра III. Личные отношения Б. к ряду лиц — насмешливые (И. С. Тургенев, В. В. Стасов, П. Д. Боборыкин, О. К. Нотович, В. А. Кашеварова-Руднева) или неприязненные (М. М. Стасюлевич, В. О. Михневич, А. И. Урусов, В. Д. Спасович) — зачастую принимали характер систематической травли. Это проявилось в известной истории Б. с умиравшим С. Я. Надсоном, когда, расценив поведение

последнего по отношению к нему как неблагоприятную (своим удачным лит. дебютом Надсон был обязан Б., чем в дальнейшем тяготился), Б. сделал достоянием гласности интимные письма Надсона. По свидетельству А. Р. Кугеля, Б. «травили за издевательство над Надсоном во много раз больше, чем он сам травил Надсона и его поклонницу Элеонору Обмокни» (РО ИРЛИ. Ф. 686. Оп. 1. № 74. Л. 1 об.). Б. несколько раз подвергался преследованиям по обвинению в клевете, но всегда был оправдан. Систематическая — с начала 1870-х — травля Б. демократической и либеральной печатью привела к тому, что имя Б. сделалось одиозным: так, В. И. Ленин постоянно использовал его для обозначения бесчестных методов полемики.

Глубокой личной трагедией для Б. стала гибель в 1884 его 20-летнего сына Константина, талантливого поэта и переводчика (псевдоним К. Ренин), — она усилила его мизантропию и отчуждение его от какой-либо общественной жизни; редакция «Нового времени», близ которой он жил, на мн. годы стала для него окном во внешний мир. В своем творчестве Б. пользовался той высшей степенью безграничной свободы, которая была возможна до появления в печати текстов В. В. Розанова. Так, на страницах «Нового времени» в одном и том же номере фельетоны Б. зачастую шли вразрез с передовицами Суворина. «Что же касается Буренина, то старик (Суворин — М. Л.) ненавидел его и в то же время боялся до конца своей жизни. Пожалуй, это был единственный человек, которого он боялся. Почему — неизвестно. Факт странный, но несомненный. Ненависть объясняется легче. Она была результат зависти, которую таил в себе Алексей Сергеевич к Буренину как к драматургу. Никто ядовитее и злее не критиковал литературные и драматические произведения Буренина, как сам Суворин. Критиковал и печатал самые грубые фельетоны беспрепятственно, потому что чувствовал, что для известной части читателей газеты эти вещи были нужны» (Снегсарев Н. Мираж «Нового времени»: почти роман. СПб., 1914. С. 27–28). «В либеральных кругах читать „Новое время“ считалось непристойным, однако фельетоны Буренина тайком читали все» (Глинский Б. Б. «Новое время»: Исторический очерк (1876–1916). Пг., 1916. С. 61).

С начала 1890-х позиция Б. становится демонстративно реакционной — любые произведения, в которых он усматривал столь ненавистные ему либерализм или декадентство, безжалостно им высмеивались. По мне-

нию Суворина, Б. «литературу презирает и глумится над нею» (Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. СПб., 1913. С. 136). Не затрудняя себя анализом, Б. грубо ругал и пародировал В. Г. Короленко, М. Горького, Л. Н. Андреева, а также поэтов-символистов. Лит.-нигилистическая позиция Б. и подготовила в значительной степени появление декадентства как явления. «Доходивший до последних пределов литературного неприличия в травле Мережковского, Волынского, Гиппиус и других», Б. тем самым «сделал больше, чем кто-нибудь, для популяризации новых течений, которым он посвящая каждую пятницу свои талантливые буффонады» (Перцов П. П. Лит. воспоминания. 1890–1902. М., 2002. С. 172, 241). Единственно, чем могли ответить пародируемые им «декаденты», — это оскорбление действием, что и сделал С. П. Дягилев (Там же. С. 224–225, 406). К концу 1900-х, когда объекты пародий Б. заняли главенствующее положение в лит. жизни, у нового поколения читателей начал пропадать интерес к критическим разборам Б. Роль ведущего критика эпохи перешла к А. А. Измайлову, а в «Новом времени» преемником Б. по его протекции выступил А. А. Бурнакин, однако успеха не снискал.

Многочисленные повести и романы Б. благодаря своей злободневности и наличию среди персонажей легко угадываемых реальных прототипов весьма схожи с критическими опытами Б.; не имея лит. достоинств, они пользовались значительным успехом и выдержали ряд переизданий. Повести Б. «**Из записки самоубийцы**» (1875) и «**Странный случай**» (1878) отличаются достаточно тонким психологическим анализом. Большой успех имели пьесы Б. на античные и средневековые сюжеты («**Медея**» (совместно с А. С. Сувориным), 1883; «**Мессалина**», 1885; «**Смерть Агриппины**», 1887; «**Комедия о княжне Забаве Путятишне и боярыне Василисе Микулишне**», 1889), поставленные в Малом и Александринском театрах. «Весьма даровитый критик, бесподобный памфлетист и удивительно бездарный драматург» (Дневник А. С. Суворина. С. 214). Б. принимал деятельное участие в жизни Малого театра, а затем в основном им вместе с Сувориным Театре Лит.-худож. общества. Б. принадлежит ряд драматических переводов (У. Шекспир, Н. Макиавелли, А. Дюма, К. Гуцков, Г. Гауптман и др.).

Помимо критических статей, наибольший интерес в наследии Б. представляют поэтические пародии и перепевы, а также поэма Б. «**Иван Оверин**», утрирующая тип «лишнего

человека», каким он сложился в русской классической лит.-ре. Одаренный незаурядными версификаторскими способностями, Б. создал также бесчисленное количество эпиграмм-экспромтов (преимущественно непечатных) на современников. «У Буренина, кажется, целый том наберется таких надписей к портретам. Александр Чехов давно их собрал в особую тетрадку» (Дневник А. С. Суворина. С. 336). Ср.: «У него в мозгу всякое впечатление и представление преобразовывались в эпиграмму... Сарказм, памфлет, пародия были его жизненной функцией, и потому ненавидевшие его — а его ненавидели почти все, были к нему несправедливы... Он ни на волос не был критиком, а был злым памфлетистом и кусакой. Он сидел граф Жасминов в своем имении Бланжевые Панталоны и вылетал как блоха на экскурсию. Литераторы же почесывали укушенное место, вопили „гвалт“ и читали, что пролитая Бурениным кровь есть чистая кровь жертвенного агнца» (Кугель А. Л. 1 об.-2).

В 1911 Б. был избран членом Совета «Товарищества Нового Времени», а после смерти Суворина (11 авг. 1912) — его председателем («Новое время»: Исторический очерк (1876–1916). Пг., 1916). «Старец, мечтающий лишь о покое, чуждый каким-либо хозяйственным или коммерческим заботам» (Снесарев Н.— С. 31) после 1912 отошел от активной лит. деятельности (несмотря на успех его СС); обращение к драматургии («**В век Екатерины**» (совместно с Ф. Е. Зариным-Несвицким), 1914) было неудачным.

Февральскую революцию Б. не принял, начав сочинять злобные пародии на А. Ф. Керенского; после Октябрьского переворота и закрытия «Нового времени» полностью отошел от лит. деятельности, однако для души писал пародии на произведения советских поэтов; сильно нуждаясь, Б. пытался заняться переводами и мемуарами, но безуспешно. В 1920-е одинокий Б. воспринимался как реликт давно минувших эпох и не вызывал интереса ни в ком, кроме сотрудников Пушкинского Дома, получивших по завещанию его архив. По их ходатайству Б. был похоронен в лит. некрополе Александрово-Невской лавры.

По распространенному мнению, Б. «вся жизнь ругался — в молодости ругался порой не без остроумия, в старости — с какой-то угрюмой злобой, порой переходящей в неистовство» (Короленко В. Г. СС: в 10 т. Т. 8. С. 325); этому расхожему мнению немало способствовал и сам Б.: «Нынче я угрюм и злобен, / Надоел я сам себе: / К праздной лени неспособен, / Неспособен и к борьбе. / Скорби сердца не измерить, / Отвращение

от всего... / Ах, во что ж могу я верить / И кого любить, кого? / Так мне Божий свет не весел — / Просто взял бы да гуртом / Человечество повесил / И повесился потом» (Песни и шаржи. С. 15–16). Принятие всерьез данной автопародии, равно как и известной эпиграммы Д. И. Минаева: «По улице идет собака, / За ней Буренин тих и мил. / Городовой! Смотри, однако, / Чтоб он ее не укусил!», запечатлевшей контраст между добродушием и бесстрашием Б. в жизни и нетерпимостью его статей привело к тому, что «злой в критике, но необыкновенно добрый и деликатный человек в жизни» (Дневник А. С. Суворина. М., 1999. С. 494), Б. на долгие годы сделался едва ли не самой одиозной фигурой в истории русской лит-ры. Репертуар печатных откликов на написанное Б. весьма обширен, но исследования о Б., объективно показывающие как саму его личность, так и его роль в лит. жизни России, отсутствуют. Написанное Б., за немногочисленными исключениями, не являлось объектом систематического изучения, несмотря на то что совокупность текстов Б. представляет достаточно пространную панораму истории русской лит-ры второй половины XIX – начала XX в., правда, рассмотренную под весьма необычным углом зрения.

Соч.: Очерки и пародии. СПб., 1874; изд. 2-е. СПб., 1895; Рассказы в современном вкусе. СПб., 1874; Из современной жизни. СПб., 1878; Стихотворения. СПб., 1878; Стрелы. СПб., 1880; изд. 2-е. СПб., 1889; Былое. СПб., 1880; изд. 2-е. СПб., 1897; Мертвая нога. Роман в Кисловодске. СПб., 1881; изд. 7-е. СПб., 1912; Критические заметки и памфлеты. СПб., 1884; Песни и шаржи. СПб., 1886; 2-е изд. СПб., 1892; Критические этюды. СПб., 1888; Хвост, и другие поэмы и пьесы. СПб., 1891; 5-е изд. СПб., 1897; Пипа и Пуся, или Горе от любви: Рассказы и комедии во вкусе fin du siècle. СПб., 1894; 3-е изд. СПб., 1897; Голубые звуки и белые поэмы. СПб., 1895; 2-е изд. СПб., 1896; Горе от глупости: Чтения в обществе «Бедлам-модерн». Поэтические козерого и скорпионы. СПб., 1905; Театр. СПб., 1904. Т. 1–2; Соч. (нео-конч.) СПб., Пг., 1912–17. Т. 1–5; Поэты «Искры». Л., 1934. (Б-ка поэта. Б. серия); 2-е изд. Л., 1955. Т. 2.; 3-е изд. Л., 1987. Т. 2; Русская стихотворная пародия XVIII – начала XX в. 2-е изд. Л., 1960. (Б-ка поэта. Б. серия); Мастера русского стихотворного перевода. Т. 2. 2-е изд. Л., 1968. (Б-ка поэта. Б. серия); Поэты 1860-х. Л., 1968. 3-е изд. (Б-ка поэта. М. серия); Русская театральная пародия XIX – начала XX в. М., 1976; Свисток. М., 1981. (Лит. памятники).

Лит.: Вольинский А. Л. Русские критики. 1897. Русская критика совр. лит-ры. СПб., 1912. С. 31–40; Глинский Б. В. П. Буренин // Глинский Б. В. Среди литераторов и ученых. Пг., 1914. С. 56–101; Тялков С. Русские символисты в лит. пародиях современников. Иваново, 1980.

М. П. Лепехин

Д. Д. Бурлюк

БУРЛЮК Давид Давидович [9(21).7.1882, Херсонская губ.— 15.1.1967, Лонг-Айленд] — поэт.

Б. родился в семье агронома, ставшего управляющим имения в Херсонской губ. Проявив в юности интерес к живописи, Б. учился в Казанском (1898–99), Одесском (1899–1901) худож. училищах, в Мюнхене и с 1907 выставлял свои картины. В 1911 Б. поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества, там познакомился с В. Маяковским, на которого оказал сильное влияние. В. Маяковский вспоминал о начале их знакомства: «В училище появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук. Ходит напевая. Я стал задирать. Почти задрались. Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Бурлюк сделал меня поэтом. Читал много французов и немцев. Вывал книги. Ходили и говорили без конца» (Я сам // Маяковский В. СС. М., 1956. Т. 1. С. 19–20). Б., его братом Н. Бурлюком, В. Хлебниковым, В. Маяковским, В. Каменским, А. Крученых, Б. Лившицем была организована группа футуристов «Гилея».

Б. считал себя поэтом с 1897, которым было помечено самое раннее его стих. **«Ты богиня среди храма прекрасного...»** (опубл. в 1923 // Русский голос. Нью-Йорк. 1923. 11 мая). Печатать свои стихи Б. начал в 1910 в коллективном сб. «Студия импрессионистов», в апреле — первый футуристический альб. «Садок судей», созданный Б. вместе с В. Хлебниковым и В. Каменским. С этого времени Б. стал неперенным участником